

Иветта съ нетерпѣніемъ ждала конца обѣда, чувствуя, что мужество покидаетъ ее. Послѣ кофе, она немедленно ушла къ себѣ.

Она слышала подъ своимъ окномъ веселые голоса. Кавалеръ отпускалъ вольныя шуточки, грубые и неловкіе каламбуры, на ломаномъ французскомъ языкѣ.

Она слушала съ отчаяніемъ. Сервиньи, слегка подпившій, передразнивалъ пьянаго рабочаго и называлъ маркизу: хозяйка! И вдругъ обратился къ Савалю:—Эй! хозяинъ!

Раздался общій хохотъ.

Тутъ Иветта рѣшилась. Она взяла сначала листъ почтовой бумаги и написала:

«Буживаль, воскресенье, девять часовъ вечера. Я умираю, чтобы не сдѣлаться куртизанкой. Иветта».

И затѣмъ въ постериптумѣ. «Прощайте, милая мамаша, простите меня».

Она запечатала письмо и подписала на немъ: «Маркизъ Обарди».

Потомъ придвинула кушетку къ окну, поставила около себя маленькій столикъ, а на него бутылку съ хлороформомъ и положила вату.

Громадный розовый кустъ, достигавшій съ террасы почти до ея оконъ и покрытый цвѣтами, испускалъ нѣжное благоуханіе, которое доносилось къ ней въ комнату. Она вдыхала его въ себя въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ.

Луна, бывшая въ первой четверти, взопла на темномъ небѣ, по временамъ заволакиваемая легкими облачками.

Иветта думала:

— Я должна умереть,—я должна умереть.

И сердце ея, удрученное сдерживаемыми рыданіями и тоской, готово было разорваться. Ей хотѣлось просить у кого-то пощады, хотѣлось быть спасенной и любимой.

Послышался голосъ Сервиньи. Онъ рассказывалъ неприличную исторію, прерываемую взрывами хохота. Маркиза смѣялась громче другихъ и безпрестанно повторяла:

— Вотъ мастеръ рассказывать!—Ха, ха, ха!

Иветта взяла бутылку, раскупорила ее и налила немного хлороформа на вату, послышался сильный, сладкій, странный запахъ, и поднеся вату къ носу, она втянула его въ себя и закашлялась.

И вотъ закрывъ ротъ, она принялась изо всей мочи нюхать это смертельное вещество, закрывъ глаза и стараясь ни о чемъ не думать, забывъ о томъ, что она дѣлаетъ.